

газетах \ \ Встречи этнических культур в зеркале языка: (в сопоставительном лингвокультурном аспекте) \ Научн. совет по истории мировой культуры. – М.: Наука, 2002. – 478 с.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений \ российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.

Паин Э. А. Почему помолодела ксенофобия. О масштабах и механизмах формирования этнических предрассудков // http://www.ng.ru/ideas/2003-10-14/11_xenophobia.html

Пеньковский А. Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке \ Пеньковский А. Б. Очерки по русской семантике – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 464 с. С. 13-50

Прикладная конфликтология для журналистов. Права человека, 2006 <http://gatchina3000.ru/literature/applied-conflictology-for-journalist>.

Свирковская С. В. Ксенофобический дискурс (лингвопрагматический аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005. 25 с.

Чепкина Э. В. Журналист как медиатор в межкультурной коммуникации \ \ Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная моногр. \ Отв. ред. Н. А. Купина и М. Б. Хомяков. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2003. 475-486 с.

Цуциев А. Русские и кавказцы: по ту сторону дружбы народов. Дружба народов, 2005 № 10 \ http://hist.den-asu.ru/ashpi/forum_ch.html.

Рахимбергенова Майра Хаджимуратовна – аспирант, старший преподаватель факультета иностранных языков Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

© Иссерс О. С., 2007

© Рахимбергенова М. Х., 2007

Керимов Р. Д.

Кемерово, Россия

ТЕКСТИЛЬНЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ

В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ФРГ

Abstract

The modern German political discourse describes the social reality of the Federal Republic of Germany and the EU in the comprehension of German political figures by the use of conceptual metaphors. The essence of conceptual metaphor is understanding and experiencing one kind of thing in terms of another (understanding one conceptual domain in terms of another conceptual domain). Artefact metaphors model the social reality in terms of the mechanical, transport, architectural, gastronomical and textile domains. Textile conceptual metaphors include names of clothes, head-dresses, foot-wear and other textile accessories and some theatre properties. They characterize both negative (more often) and positive (less often) aspects of various political objects

of the Federal Republic of Germany and the European Union in the modern German political discourse.

Когнитивный подход к изучению разных языковых явлений на различном материале получил в современном языкознании широкое распространение. Он используется для реконструкции по языковым данным вербальных способов упорядочивания (получения, хранения, передачи, систематизации и развития) информации (знаний, опыта) о различных (конкретных и абстрактных) областях человеческой жизнедеятельности [см., например: Баранов, Добровольский 1997; Маслова 2004; Писаренко 2002; Попова, Стернин 2003; Рахилина 1998; Рудакова 2002; Lakoff 1990 и др.].

Каждый конкретный язык несёт на себе отпечаток особенностей мышления (восприятия и осмысления мира) носителей данного языка, и отражение окружающей среды происходит не напрямую («мир» → «язык»), а через призму сознания (когниции) человека по схеме: «мир» → «человек» → «язык». Таким образом, язык фиксирует то, как человек воспринимает мир и отражает его в своём сознании. Большое влияние на носителя языка и посредством него на его языковую деятельность оказывают при этом различные экстралингвистические факторы: культура, история, традиции, сфера деятельности, даже климатические и географические условия его проживания, поэтому восприятие мира человеком есть фактор субъективный, а не объективный, так как оно обусловлено влиянием внешнего мира.

Восприятию и описанию объективной реальности в мышлении/ языке человека присуще такое качество как метафоричность, суть которой заключается в описании реалий одной сферы жизнедеятельности посредством номинаций других сфер, причем связь между конкретными понятийными (концептуальными) сферами бывает predetermined уже существующими в языке схемами (моделями) упорядочивания знаний о данном сегменте бытия [см., например: Baldauf 1997; Jäkel 1997; Lakoff, Johnson 1980; Schwarz 1992, 1996 и др.].

Концептуальная метафора с точки зрения когнитивной семантики представляет собой модель представления информации о какой-то одной сфере деятельности субъекта терминами иной, совсем другой сферы [см.: Баранов, Караулов 1991; Чудинов 2003; Baldauf 1997; Feng 2003; Jäkel 1997; Kövecses 2002; Lakoff 1988; Schwarz 1994; Weinrich 1976 и др.]. Набор используемых узусом в конкретном языке концептуальных метафор зависит от интра- и экстралингвистических факторов, в том числе от истории и

политической культуры данного общества, действующего в государстве общественно-политического строя и типа социально-экономических отношений [см.: Шейгал 2000; Bergem 1996; Rigotti 1994; Volmert 1989; Watts 1997; Welch 1999].

В политическом дискурсе (политдискурсе) описывается и отражается социальная сфера, которая пронизывает и связывает все области жизнедеятельности общества: собственно политику как осуществление политической власти (или борьбу за нее), экономику (материальные средства производства и потребления), культуру и искусство (духовные ценности), религию (вероисповедование), (профессиональный и любительский) спорт, СМИ (четвертая власть), войну (как продолжение политики «другими» средствами) и пр.

Политдискурс является разновидностью институционального дискурса, в котором каждая отдельная языковая личность (в данном случае – политик) представляет не себя лично, не свою персону, а определенную организацию, конкретный «институт» (в нашем случае – власти): правительство или оппозицию, партию, фракцию. Поэтому политическая речь как продукт языкового творчества политика рассматривается через призму и как продукт деятельности той партии, фракции, того «института», которые данный политик представляет, и является, как отмечает профессор В.И. Карасик, «статусно-ориентированным» [Карасик 2007: 89; см. также: Карасик 2002].

Политический дискурс ФРГ характеризуется образностью, которая обусловлена активным использованием наглядных языковых средств. Тексты официальных речей современных немецких политиков изобилуют помимо прочих образных средств и большим количеством метафор. В рамках когнитивного подхода данные метафоры объективируют знания немецких политиков о социально-политической реальности в Германии, в Евросоюзе и в мире в целом и выражают наиболее актуальные с их точки зрения её свойства и качества, которые они ей приписывают в процессе политической коммуникации.

Острая политическая борьба, стремление завоевать симпатии граждан своей страны, представить свою деятельность (деятельность своей партии) с положительной стороны и очернить политических оппонентов влияют в немецком политическом языке на используемые этими политиками концептуальные метафоры и определяют частотность, продуктивность и доминантность тех или иных видов концептуальных метафор [см., например: Черепанова 1999; Шейгал 2000; Baranov 2004; Jäkel 1997; Rigotti 1994; Volmert 1989], которые принято различать по исходной сфере (сфере-источнику)

метафорического переноса и по сфере-цели (сфере-мишени) метафорической экспансии.

Сферой-мишенью метафорического переноса наименования служит в политическом языке понятийная (концептуальная) сфера (концепт) «Политика», что вполне естественно, так как политический язык – это средство борьбы за власть и средство её удержания в случае её получения/захвата, а политика – это сам процесс осуществления власти.

Исходными понятийными сферами переноса наименования для политических (по сфере-мишени) метафор выступают как биологическая и социальная области существования человека и сфера живой и неживой природы («Физиология человека», «Социальная среда», «Артефакты» и «Природа») [Керимов 2006д], которые могут быть использованы в том числе и для моделирования других различных «метафорических» (в терминологии Дж. Лакоффа и М. Джонсона) концептов (социальных, ментальных и пр.), а также специфические области, которые целесообразно выделить в самостоятельные группы метафор ввиду их чрезвычайной важности и актуальности именно для языка политической коммуникации. Для немецкого политдискурса это, прежде всего, группы дименсиональных, квалитативных и квантитативных метафор и метафорических единиц с семантикой цветообозначений, которые характеризуются также повышенной частотностью и доминантностью.

Некоторые из этих концептуальных сфер/концептов (и/или их фрагменты) уже становились объектами исследований отечественных и иностранных учёных [см., например: Баранов, Караулов 1991; Черепанова 1999; Чудинов 2003; Baldauf 1997; Baranov, Dobrovolskij 2003; Bergem 1996; Jäkel 1997; Lakoff 1990; Rigotti 1994 и др.], в том числе и на материале современного немецкого политического дискурса (1992-2004 гг.) [см.: Керимов 2005а; 2005б; 2006а; 2006в; 2006г].

Небольшую по частотности, но упорядоченную по доминантности группу представляют собой метафоры из исходной сферы «Одежда», которые являются частью артефактной концептуальной метафорики и количественно составляют 2,9% артефактных метафор и 1,2% всех политических метафор (при материале исследования в 4000 политических метафор, из которых 1640 – артефактные) [Керимов 2005в: 134].

Данные по частотности (общему количеству метафорических единиц данной понятийной сферы) и доминантности (количеству текстов, в которых зафиксировано употребление данного вида артефактных метафор) представлены в порядке количественного

убывания частотности в следующей Таблице:

Таблица. Частотность и доминантность артефактных концептуальных метафор в политическом дискурсе ФРГ

№	Вид метафоры	Частотность		Доминантность	
		кол-во	проц.	кол-во	проц.
1.	Метафоры дома	536	32,6 %	99	37,2 %
2.	Транспортные метафоры	498	30,4 %	117	44,0 %
3.	Метафоры механизма	270	16,5 %	94	35,3 %
4.	Метафоры коммуникаций	150	09,2 %	36	13,5 %
5.	Гастрономические метафоры	138	08,4 %	29	10,9 %
6.	Текстильные метафоры	48	02,9 %	27	10,2 %
Всего		1640	100%	266	100 %

Примечание 1:

Сокращения в Таблице: кол-во – количество; проц. – проценты.

Примечание 2:

Общая сумма количественных и процентных данных доминантности всех шести видов артефактных метафор больше, чем итоговые числа доминантности в графе «Всего». Это связано с тем, что при наличии в одном тексте метафор разных видов этот текст засчитывался в показатели доминантности каждого вида метафор по отдельности, то есть один текст политического выступления мог учитываться несколько раз. Конечное число текстов, в которых были употреблены все 1640 артефактных метафор, – 266; именно эта цифра и принимается за условные 100% доминантности в графе «Всего».

Концептуальные метафоры одежды представляют объекты, процессы и явления немецкой, европейской и мировой социальной реальности лексемами, обозначающими текстильные аксессуары, предметы гардероба и связанные с ними реалии (отсюда и второе название единиц этой группы – текстильные концептуальные метафоры).

Наименования видов одежды и их частей используются чаще всего немецкими политиками для негативной оценки личности своих оппонентов и результатов их деятельности (деятельности их партии).

Из конкретных предметов гардероба немецкие политики на своих противников «примеривают» как правило «новую щегольскую одежду» (нем. „das neue Yuppie-Gewand“) и «старую

шляпу» (нем. „der alte Hut“), а также другие предметы гардероба, например:

(1) Wer ist Stollmann? ... Das ist der Mann, der weiß, was Arbeitnehmer wollen; deshalb braucht er keinen Betriebsrat. ... Herr Stollmann hat in seinem Betrieb keinen Betriebsrat. Er hat noch hinzugefügt, die traditionellen Formen der Mitbestimmung seien überholt. Er weiß also, was Unternehmen wollen. Das ist der alte Patriarch im neuen Yuppie-Gewand. Deshalb schlage ich vor: Ottmar Schreiner und Norbert Blüm machen ein Aktionsbündnis: Schützt die Betriebsräte vor Stollmann [Blüm 1998: 7]. 'Кто такой г-н Штольманн? ... Это человек, который знает, чего хотят рабочие; поэтому ему не нужны рабочие профсоюзы. ... У г-на Штольманна на его предприятии нет профсоюза. Ещё он добавляет, что традиционные формы сотрудничества (работодателей и рабочих) надо пересмотреть. Итак, он знает, чего хотят предприятия. Это старый патриарх в новой щегольской одежде. Поэтому я предлагаю: Отмару Шрайнеру и Норберту Блюму надо сделать союз по защите предприятий от Штольманна'.

(2) Wir brauchen keine alten Hüte in der Politik [Waigel 1998: 3]. 'Нам не нужны в политике старые шляпы'.

(3) Für die Besteuerung der gewerblichen Einkünfte schlägt der SPD ein so genanntes Optionsmodell vor. Das ist nun wirklich ein ganz alter Hut aus der Mottenkiste, der bereits Anfang der 50er Jahre wegen praktischer Undurchführbarkeit abgeschafft werden musste [Waigel 1998: 4]. 'Для обложения налогом постоянных промышленных доходов СДПГ предлагает так называемую опционную модель. Это действительно извлечение из ящика совсем старой шляпы, которая уже в начале 50-х гг. была прекращена из-за практической невыполнимости'.

(4) Das Ziel scheint mir das gleiche zu sein wie in den sechziger Jahren: bessere Teilhabe aller an Bildung. Viele halten das für einen alten Hut, für eine verstaubte Botschaft, die nicht mehr in unsere heutige Situation passt. Das stimmt nicht. Das ist ein Vorurteil und ein Fehlurteil [Rau 2002b: 26-27]. 'Цель мне кажется такая же, как и в 60-е годы: доступное получение всеми образования. Многие считают это старой шляпой, запыленным посланием, которое больше не подходит для сегодняшней ситуации. Но это не так. Это преждевременное и ошибочное мнение'.

В примере (1) образный эффект негативной оценки политического оппонента усиливается за счёт использования в метафорическом контексте лексем с антонимичным значением („alt“ – „neu“), описывающим исходную концептуальную сферу переноса наименования.

Устойчивое словосочетание «старая шляпа» (нем. „ein alter Hut“), которое первоначально в немецком языке возникло на базе метонимии, уже закреплено в словарях в значении

„ugs.; etwas Altbekanntes, längst nicht mehr Neues“ [DUW] («разг. что-то уже известное, уже давно не новое»). Именно в этом значении данное фразеологическое выражение реализуется в качестве концептуальной метафоры в примерах (3) и (4), причём в обоих случаях яркий образ создаётся за счёт использования других, «поддерживающих» концептуальных метафор.

В примере (2), однако, реализуется свободное словосочетание с теми же компонентами, когда обыгрывается первоначальный метонимический смысл – «старый человек». В этом контексте «старыми шляпами» именуется представители правящей (в 1998 г.) партии ХДС/ХСС, которые, по мнению оратора, за долгие годы пребывания у власти (тогдашний канцлер Германии Г. Коль на тот момент находился у власти в течение 16 лет – с 1982 г.) уже утратили свежесть взглядов и правильность восприятия политических реалий и перестали быть актуальными со своим «старым», «запылённым» взглядом на вновь возникающие проблемы иного, нового характера.

Определённый текстильный аксессуар может характеризовать какие-либо определённые качества, свойства политической или социально-экономической деятельности федерального правительства.

Так, например, такой пикантный предмет женского гардероба как «корсет» (нем. „das Korsett“) описывает жёсткие условия осуществления какой-либо деятельности, например, в экономической политике, поскольку в переносном значении используется именно это качество данного предмета одежды – «жёсткость, стеснённость»:

(5) Das liegt auch daran, dass die gesetzliche Mitbestimmung – anders als manche behaupten – gerade kein starres Korsett ist. Sie setzt einen klaren Rahmen, der in der Praxis sehr flexibel und erfolgreich ausgefüllt werden kann [Rau 2001b: 243]. 'Это объясняется также тем, что установленное законом согласие – в противоположность тому, как многие думают, – как раз не является жёстким корсетом. Оно устанавливает ясные рамки, которые могут быть на практике очень гибко и успешно выполнены'.

В определённых контекстах могут упоминаться различные предметы одежды, описывающие социальную реальность с позитивной или негативной точки зрения. Так, яркий метафорический смысл может возникнуть при неожиданном контекстуальном развитии известного устойчивого сочетания, при котором данное развитие сопряжено с новой интерпретацией переосмысливаемого языкового выражения, у которого активизируется внутренняя форма, например:

(6) Der Präsident der Bundesanstalt für Arbeit, Herr Jagoda, der Ihrem Hemd etwas näher als meiner Jacke steht, hat vor wenigen Wochen aus-

drücklich gesagt, es handele sich um Besserungstendenzen; von einer Trendwende könne keine Rede sein [Schreiner 1998: 8]. 'Президент Федеральной службы труда, г-н Ягода, который Вашей рубашке ближе, чем моему пиджаку, несколько недель назад чётко сказал, что речь идёт о тенденции к улучшению; но о повороте в развитии не может быть и речи'.

В данном контексте (6) немецкий политик переосмысляет известное выражение „das Hemd ist/liegt mir näher als der Rock“ (букв.: «рубашка мне ближе, чем пиджак (или жилет)»); ср. в русском языке: «Своя рубашка ближе к телу»; «Своя кожа рубахи дороже») в значении „der eigene Vorteil ist mir wichtiger als der eines anderen; nach dem Ausspruch „tunica propior pallio est“ in der Komödie „Trinummus“ [V, 2, 30] des römischen Dichters Plautus, um 250-184 v.Chr.“ [DUW] («своя выгода мне важнее, чем выгода другого (человека); пришло из латинского языка по выражению «Туника ближе, чем плащ», употребленному в комедии „Трёхмолотчик“ римского комедиографа Плавта (250-184 гг. до н.э.)»). Переосмысление и новый метафорический образ возникают за счёт замены в контексте высказывания в устойчивом сочетании (грамматически – предложении) одной из лексем („der Rock“ – «пиджак») её синонимом („die Jacke“ – «куртка, пиджак») из той же самой концептуальной (текстильной) сферы-источника, что и исходный компонент, и изменения типа отношений с субъектно-субъектных на субъектно-объектные.

В следующем случае (7) реализуется компонент устойчивого сочетания „eine weiße Weste haben“ в значении «иметь незапятнанную репутацию», в буквальном смысле выражающий предмет мужского гардероба – «жилет белого цвета» (ср. в русском языке: «быть (делать что-то) в белых перчатках»), причем в контексте высказывания «белый» цвет данного текстильного предмета подчеркивается другой метафорой, указывающей на цвет светлой цветовой гаммы – «золотисто-бронзовый» (нем. „die Goldbronze“): (7) Ich warne auch davor, die Demokratisierung der Bundesrepublik in den 50-er und 60-er Jahren jetzt nachträglich mit Goldbronze zu versehen. Wir sind nicht die mit der weißen Weste [Rau 2000: 290]. 'Я также предостерегаю от того, чтобы сейчас воспринимать демократизацию Западной Германии в 50-е и 60-е гг. в золотисто-бронзовом (свете). Мы никогда не имели незапятнанную репутацию (букв.: Мы никогда не были в белом жилете)'.

Социальную реальность ФРГ концептуализируют также и номинации обуви и обувных аксессуаров, как, например, лексема «обувь» („der Schuh“), совместное «одевание» которой выражает призыв к осуществлению конвенционального действия всеми политиками: (8) Wir alle sollten als Politiker sehr vorsichtig sein,

auf die Bundesanstalt für Arbeit zu zeigen. Denn zu Recht wird gesagt, dass die Politik der Bundesanstalt über Jahrzehnte hinweg Aufgaben übertragen hat, bei denen es sich um reine Verwaltungsaufgaben handelt. Den Schuh müssen wir uns alle anziehen. Ich nehme mich davon auch nicht aus. Aber der Vorwurf, die Bundesanstalt leiste nur Verwaltungsarbeit, ist kühn. Wir müssen Konsequenzen ziehen [Eichel 2003]. 'Мы все как политики должны быть очень внимательны, показывая на Федеральную службу труда. Так как, справедливости ради, следует сказать, что политика этой Федеральной службы целые десятилетия выполняла задачи, при которых речь шла о чисто управленческих функциях. Обувь (ботинки) мы должны одеть все (вместе). Себя я тоже не исключаю. Но проект, согласно которому Федеральная служба осуществляет только управленческую работу, (слишком) смел. Мы должны сделать (соответствующие) выводы'.

Помимо наименований видов одежды и обуви в современном немецком политдискурсе задействованы также и номинации других текстильных предметов (не одежды), например, «покрывала», «(красной) тряпки» и пр.

Лексема «покрывало» (нем. „der Schleier“) используется в переносном смысле за счёт метафоризации семы, выражающей функциональное свойство данного предмета («накрывать что-то»), то есть в переносном значении происходит указание на приписывание какому-либо объекту определённых качеств, которые данный предмет обволакивают и как бы запутывают: (9) Der braune Schleier, mit dem unsere Soldaten bei dieser Diskussion überzogen werden sollten, ist zerrissen worden [Kossendey 1998: 11]. 'Коричневое покрывало, которым должны были быть покрыты наши солдаты в этой дискуссии, разорвано'.

При этом в примере (9) метафорическому сопутствует адъективная цветовая метафора «коричневый» (нем. „braun“), которая обладает самостоятельным переносным смыслом, указывая (этимологически) на принадлежность к нацистской партии и немецким фашистам. Она появилась в 20-е гг. XX в. в (ещё не нацистской) Германии на базе метонимического переноса с коричневого цвета мундиров штурмовиков из СА (нем. die SA – Sturmabteilungen) – первых боевых отрядов национал-социалистов – на людей, которые носили эти мундиры, а затем и на всех членов Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП) (нем. die NSDAP – die Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei). По отношению к настоящему времени данная метафора в немецком языке обозначает принадлежность к сфере крайне радикального националистического экстремизма, сочувствие идеям германских нацистов перио-

да Третьего рейха (1933-1945 гг.) и несёт на себе крайне негативную оценочную нагрузку.

Пример развития метафорического смысла цветовой метафоры «коричневый» наглядно демонстрирует, как с течением времени меняется значение метафоры, обусловленное сменой общественно-политического режима. В национал-социалистической риторике данная метафора активно использовалась и имела в официальном немецком языке положительную оценочную окраску, указывая на «авангард» национал-социалистической партии – штурмовиков (а затем и на всех нацистских партийцев), борющихся за «правое» (с точки зрения фашистской пропаганды) дело. Причём этот «авангард» и сам себя активно именовал этим цветообозначением, например: „braunes Haus“ («нацистский (букв.: «коричневый») дом»); / „Die Straße frei den braunen Bataillonen!“ / (досл.: «(Освободите) дорогу (улицу) коричневым батальонам!») (первая строчка второй строфы Песни Хорста Весселя «Выше знамя!») (Horst-Wessel-Lied „Die Fahne hoch!“) – неофициального гимна национал-социалистической партии и Третьего рейха).

После падения Третьего рейха и запрета деятельности НСДАП, данная метафора в немецком языке, по-прежнему указывая на деятелей национал-социалистической партии, меняет оценочную характеристику на полностью противоположную – с крайне позитивной на крайне негативную. В современном немецком языке данное значение нацистской партийной принадлежности уже является традиционным и занесено в словарь в качестве второго лексического значения (первое – непосредственное обозначение коричневого цвета) со специальной пометой об употреблении в «сниженном, отрицательном» смысле, ср.:

„braun: 1. a) von der Farbe feuchter Erde: <...>; b) sonnengebräunt: <...>. 2. (abwertend) nationalsozialistisch: die -e Epoche; eine braune Gesinnung; er war braun (war ein überzeugter Nationalsozialist)“ [DUW] («коричневый: 1. а) цвета влажной земли: <...>; б) загорелый: <...>. 2. (снижено) национал-социалистический: коричневая эпоха; коричневые убеждения; он был коричневый (был убеждённым национал-социалистом)»).

Помимо «покрывала» по функциональному свойству метафоризируется и составное существительное со сходной семантикой „der Deckmantel“, у которого в словаре зафиксировано значение „Vorwand, unter dem jemand etwas tut, um seine wahren Motive und Absichten zu verschleiern“ [DUW] («предлог, под которым кто-то что-то делает, чтобы скрыть свои истинные мотивы и намерения»). Буквальное значение данного слова, складывающееся из значений его обоих компонентов, – «покрывающая одежда» (нем. „decken“ («покрывать») + „der Mantel“ («пальто»)), то есть в этом случае про-

является переход из сферы конкретного в сферу абстрактного, например:

(10) Ethische oder religiöse Unterschiede werden ja allzu oft als Deckmantel benutzt, um politische oder soziale Interessen zu verbergen [Rau 2001b: 109]. 'Этические или религиозные различия к тому же часто используются как предлог (букв.: покрывающая одежда), чтобы скрывать политические или социальные интересы'.

(11) Beschleunigung und wachsender Zeitdruck sind aber selbst gemachte Sachzwänge, denen wir uns nicht ausliefern dürfen. Ethische Reflektion darf nicht zum moralischen Deckmantel für längst getroffene Entscheidungen verkommen [Rau 2001b: 228]. 'Ускорение и растущее давление времени стали теми факторами принуждения, которые мы сделали сами и которым мы не должны себя отдавать. Этическая рефлексия не должна опуститься до морального покрывала для тех решений, которые давно созрели'.

«Красная тряпка» (нем. „das rote Tuch“) – уже традиционный образ, выражающий что-то раздражающее, вызывающее недовольство:

(12) Für manche Arbeitnehmer ist Umweltschutz ein rotes Tuch gewesen und jetzt kommt es darauf an, dass wir die wirtschaftlichen Vorteile wieder deutlich machen [Rau 2001a: 110]. 'Для некоторых работодателей защита окружающей среды стала красной тряпкой, и сейчас очень важно то, что мы снова разясняем экономические преимущества'.

Такое понятие как «мода» (нем. „die Mode“) применительно к сфере политики означает популярность каких-либо политических идей, а «фасон» (нем. „die Fasson“) – принятие каких-то решений по отработанной, уже проявившей себя ранее схеме или по общераспространенной практике:

(13) Eine dritte Selbsttäuschung – und zwar in Ost und West! – laute, es genüge, Verwaltung und Gesellschaft in Ostdeutschland nach westlicher Fasson zu gestalten, und im Handumdrehen hätten sich alle Probleme und alle Verteilungskonflikte gelöst [Rau 2001a: 57]. 'Третий самообман – а именно и на Востоке и на Западе! – звучит так: достаточно власти и обществу в Восточной Германии придать вид по западному фасону, и в мгновение ока разрешатся все проблемы и все конфликты, связанные с расколом'.

(14) Das schont Ressourcen, es beugt der zentralistischen Versuchung vor, alle nach derselben Fasson selig machen zu wollen, und es sichert mehr Vielfalt und Experimentierfreude [Rau 2000: 78]. 'Это щадит ресурсы, это предостерегает от централизованной попытки сделать всех счастливыми по западному фасону, и это в большой мере способствует разнообразию и желанию экспериментировать'.

Политика в сфере, например, экономики, как и одежда, может быть «устаревшей», и то-

гда она «выходит из моды», или наоборот – не «устаревает», как это представлено в следующем контексте:

(15) Die industrielle Produktion ist nicht altmodisch oder veraltet [Rau 2001b: 49]. 'Промышленная продукция не является старомодной или устаревшей'.

Социально-экономические действия правительства соотносятся, как правило, с процессами пошива и ремонта одежды, например:

(16) Steuerschlußflöcher werden wir stopfen, ungerechtfertigte Vergünstigungen werden wir abbauen [Schröder 1999: 10]. 'Налоговые дыры-лазейки мы заштопаем, необоснованные льготы мы отменим'.

Метафора, представляющая дефицит средств, например, в бюджете страны как «(финансовые) дыры» (нем. „finanzielle Löcher“, „Steuerschlußflöcher“), а покрытие этого дефицита – как «штопка» (нем. „stopfen“) этих «дыр», приобрела в политическом дискурсе уже традиционный статус.

Традиционное словоупотребление зафиксировано также у метафоры «красная нить» (нем. „der rote Faden“), которая используется в значении „der leitende, verbindende Grundgedanke; nach Goethes „Wahlverwandtschaften“ (2, 2), wo eine alles verbindende Hauptidee mit dem durchlaufenden roten Faden im Tauwerk der englischen Marine verglichen wird“ [DUW] («ведущая, связующая основная идея; впервые употреблено у Й.В. фон Гёте в его семейном романе «Избранное родство» (опубликованном в 1809 г.), в котором главная, связующая идея сравнивается с красной нитью, проходящей по всей длине троса на английских кораблях»).

В современной немецкой политической риторике данная метафора реализуется, например, в таких контекстах, как:

(17) Der Wille zur stärkeren Integration der Entwicklungsländer in die Weltwirtschaft und zur besseren Berücksichtigung ihrer Belange zieht sich wie ein roter Faden durch die Abschlusserklärung [Eichel 2003]. 'Воля к более сильной интеграции развивающихся стран в мировую экономику и к лучшему учёту их интересов проходит красной нитью в заключительном заявлении'.

(18) Eine breit angelegte Bildung in Verbindung mit einer hohen sozialen Kompetenz gibt den Menschen den roten Faden, um sich in einer dynamischen Entwicklung von Gesellschaft und Wirtschaft zu orientieren und den Wandel aktiv mitzugestalten [Clement 2002: 64]. 'Широко распространённое образование вкупе с высокой социальной компетентностью даёт людям красную нить, чтобы ориентироваться в динамическом развитии общества и экономики и активно участвовать в переменах'.

В некоторых контекстах метафорический образ, уже стёртый частым употреблением, регенерируется за счёт активации первичного, прямого значения номинации «красная нить».

Это происходит при расширении данного словосочетания новыми лексемами, например, глаголами «плести (нить)» (нем. „spinnen“), «завязывать (нить)» (нем. „knüpfen“); эти глаголы выражают действия, которые можно совершать с «нитками» в буквальном смысле, то есть на самом деле, но в контексте метафорического словоупотребления вся новая конструкция получает переносное значение, а политики пытаются наладить дела в экономике («плести красную нить» (нем. „den roten Faden spinnen“) или устанавливать новые связи, контакты («связывать разорванные нити» (нем. „Gesprächsfäden, wo sie abgerissen sind, neu knüpfen“)):

(19) Wenn sie sich zusammensetzen, gemeinsam den roten Faden spinnen und Netzwerke bilden, dann ist der entscheidende Schritt für eine nachhaltige Entwicklung im ländlichen Raum getan [Clement 2002: 52]. 'Если вы собираетесь, чтобы вместе плести красную нить и выстраивать систему, то тогда сделан решительный шаг для продолжительного развития в сельской местности'.

(20) Ich will Gesprächsfäden neu knüpfen, wo sie abgerissen sind, zwischen Ost und West, zwischen Jung und Alt [Rau 2000b: 42]. 'Я хочу заново завязывать нити диалога (там), где они оборваны, между Востоком и Западом, между молодым поколением и старшим поколением'.

Номинации одевания одежды могут служить цели представления политических оппонентов в негативном свете. Так, выражение «взять (свою) шляпу» (нем. „seinen (eigenen) Hut nehmen“) подразумевает, что оппонент должен подать в отставку: „den/seinen Hut nehmen [müssen]“ – „ugs.; aus dem Amt scheiden, zurücktreten [müssen]“ [DUW] (досл.: «(быть должным) взять (свою) шляпу» – «разг. (быть должным) уйти с поста (в отставку)»).

В данном выражении метафорический смысл возникает на базе метонимического переноса – уходящий в отставку должен в буквальном смысле выполнить следующую последовательность действий: выйти из помещения, взять (в гардеробе) свою шляпу, надеть её и уйти. В сокращённом виде из всего перечня этих действий отставку выражает только одно действие («взять шляпу»):

(21) Sie haben vielmehr die Staatsfinanzen tief zerrüttet und das soziale Netz in größte Unordnung gebracht. Sie sollten jetzt wirklich Ihren Hut nehmen. Genehmigen Sie eine Auszeit! Der Wechsel ist da! [Schreiner 1998: 8]. 'Вы в большой мере сильно расшатали государственную финансовую систему и привели социальную сеть в беспорядок. Сейчас Вы действительно должны взять Вашу шляпу! Отдохните некоторое время! Перемены уже наступили!'

Вообще в современном немецком языке шляпа является одним из самых «политизированных» предметов гардероба и уж точно са-

мым «политизированным» головным убором, поскольку с непосредственным её участием строится достаточно большое число устойчивых выражений (этимологически как исконно немецких, так и общеевропейских и/или переведённых с других языков), которые описывают разные сферы деятельности человека (политика, общественного деятеля) посредством различных видов манипуляций с данным текстильным предметом.

Рассмотрим некоторые из них (наиболее показательные), за исключением уже описанных выше:

- „[für jmdn., etwas] den Hut herumgehen lassen“ („[für jmdn., etwas] in einer Versammlung o. Ä. Geld sammeln, indem man einen Hut herumgehen lässt, in den jeder das von ihm gespendete Geld legt) [DUW] – букв.: «(для кого-либо/чего-либо) пустить шляпу по кругу» ((для кого-либо/чего-либо) на каком-то собрании или пр. собирать деньги, пустив по кругу шляпу, в которую складываются пожертвования);

- „da geht einem der Hut hoch“ (ugs.; das macht einen wütend, rasend) [DUW] – букв.: «тогда у него (кого-то) шляпа приподнимется» (разг. это вызовет у него гнев, это приведёт его в бешенство);

- „Hut ab!“ (ugs.; alle Achtung, allen Respekt!) [DUW] – букв.: «Долой (снимите) шляпу!» (разг. всем внимание, обратите внимание <обращение к присутствующим>); в переносном смысле также имеет значение: «преклоняюсь!» (как выражение уважения, восхищения);

- „den Hut in den Ring werfen“ (seine Kandidatur anmelden; üb. von engl. “to throw one's hat in the ring”) [DUW] – букв.: «бросить шляпу на ринг» (снять свою кандидатуру; перевод с английского языка выражения “to throw one's hat in the ring” («бросить чью-либо шляпу на ринг»);

- „vor jmdm., etwas den Hut ziehen“ (vor jmdm., etwas alle Achtung haben, jmdm., einer Sache seinen Respekt nicht versagen können) [DUW]. – букв.: «Снять перед кем-либо/ чему-либо, кому-либо/чему-либо не отказывать во внимании);

- „mit jmdm., etwas nichts am Hut haben“ (ugs.; vgl. Sinn 3 a <mit jmdm., etwas nichts im Sinn haben (mit jmdm., etwas nichts zu tun haben wollen)>) [DUW] – букв.: «не иметь с кем-либо/чем-либо ничего в шляпе» (разг. не хотеть иметь с кем-либо/чем-либо ничего общего);

- „jmdm. eins auf den Hut geben“ (ugs.; jmdm. einen Verweis, eine Rüge erteilen) [DUW] – букв.: «дать (ударить) по шляпе»; это выражение употребляется как в прямом смысле («ударить, побить кого-либо»), так и в переносном (разг. «объявить кому-либо выговор, вынести кому-либо порицание»); точно такие же значения имеет и другой вариант этого выражения: „eins auf den Hut kriegen, bekommen“ [DUW];

- „etwas aus dem Hut machen“ (ugs.; etwas unvorbereitet machen, improvisieren; wahrscheinlich

in Anspielung auf Zauberer, die aus ihrem Hut Tiere o. Ä. hervorzubern) [DUW] – букв.: «что-то сделать из шляпы» (разг. сделать что-то неподготовлено, симпровизировать; по всей вероятности намёк на артистов-фокусников, достающих из шляпы животных и пр.);

- „unter einen Hut bringen“ (ugs.; einigen; in Einklang, Übereinstimmung bringen) [DUW] – букв.: «разместить под одной шляпой» (разг. объединить, привести к согласию (единому мнению)); другой вариант этого выражения: „viele Köpfe unter einen Hut bringen“ – букв.: «разместить много голов под одной шляпой» (разг. добиться единомыслия; объединить различные мнения (интересы));

- „unter einen Hut kommen“ (ugs.; einig werden, übereinkommen) [DUW] – букв.: «встать под одну шляпу» (разг. объединиться, стать единомышленниками).

Помимо этого успеха в делах может достигнуть тот, кто, согласно следующей немецкой поговорке, постоянно держит в руках шляпу:

- „mit dem Hute in der Hand kommt man durch das ganze Land“ (wer höflich ist [und stets den Hut zum Gruße zieht], erreicht viel) [DUW] – букв.: «со шляпой в руке ходят по стране» (тот, кто вежлив (и (потому) постоянно снимает шляпу для приветствия), достигнет многого).

Как показывает проведённый анализ, практически все устойчивые выражения с лексемой «шляпа» получили переносный смысл при переносе наименования из сферы конкретного в область абстрактного (из буквально осуществляемого действия на его абстрактное обобщение).

Помимо манипулирования со шляпой немецкие политики облачают, «одевают» (нем. „kleiden“) в различные «одежды» свои высказывания, с целью спрятать за определённые формулировки свои намерения и истинные мотивы своих действий:

(22) Auch die Vorstellungen zur Kompetenzabgrenzung, die Sie eben mit dem Schäublen-Bocklet-Papier artikuliert haben, Herr Müller, werden von sehr vielen – ich behaupte sogar: von der Mehrheit – in der Europäischen Union mit großer Skepsis gesehen und nur sehr eingeschränkt geteilt, um es in diplomatische Formulierungen zu kleiden [Fischer 2003]. 'Также и представления о разграничении компетенции, которые вы озвучили в документе Шойбле-Боклет, г-н Мюллер, были многими – я даже думаю: большинством – рассмотрены в Европейском Союзе с большим скепсисом и только некоторыми одобрены, если это сказать дипломатично (букв.: одеть в дипломатические формулировки)'.

(23) Ethische oder religiöse Unterschiede werden ja allzu oft als Deckmantel benutzt, um politische oder soziale Interessen zu verbergen [Rau 2001b: 109]. 'Этнические или религиозные различия слишком часто используются в качестве при-

крытия (букв.: покрывающей одежды, чтобы спрятать (истинные) политические или социальные интересы').

Переносное значение глагола «одевать» (нем. „kleiden“) уже становится традиционным и занесено в толковый словарь немецкого языка в значении „etwas in eine bestimmte Mitteilungs-, Ausdrucksform bringen: z. B. seine Gedanken in Worte, in eine gute sprachliche Form kleiden“ («облекать что-то в определённую форму сообщения, форму выражения, например: облекать (букв.: одевать) свои мысли в слова, в хорошую языковую форму»).

Текстильная концептуальная метафора часто пересекается с театральной метафорой, представляющей социально-политические процессы лексемами театральных реквизитов, в том числе и театральных костюмов. Так, частая смена политиком «театрального костюма» (нем. „die Kostümierung“) подразумевает частую смену своей политической позиции или своих взглядов в угоду каким-либо внешним обстоятельствам или каким-либо возможным преимуществам, как это представлено в следующих метафорических контекстах:

(24) Wir müssen zu verstehen suchen, was Überzeugung ist und was ideologische Kostümierung – und was dahinter steckt: Verirrung, Provokation oder Protest [Rau 2001b: 133]. 'Мы должны найти понимание того, что есть убеждённость (в своих идеях), а что есть идеологическое костюмирование (переодевание) – и что за этим скрывается: заблуждение, провокация или протест'.

(25) Politische Kostümierungen können der Einschüchterung oder der Provokation dienen [Rau 2001b: 136]. 'Политические переодевания могут служить запугиванию или провокации'.

Помимо этого в немецком политическом дискурсе функционируют метафорические единицы, которые в первичном значении указывают на процессы «износа», «разрыва» одежды и прочих текстильных предметов:

(26) Die SPD begründet diese Blockadehaltung nun mit dem fadenscheinigen Vorwand der Ablehnung von Studiengebühren [Mayer 1998: 8]. 'СДПГ обосновывает поддержание этой блокады только потёртой отговоркой об отказе от платы за обучение'.

Такое понятие как «разорванность» (нем. „die Zerrissenheit“) по отношению к сфере политики может означать как улучшение политической ситуации, снятие напряжённости («порвать железный занавес»), так и, наоборот, разобщённость, противостояние между государствами на европейском континенте («историческая разорванность Европы»):

(27) Die historische Zerrissenheit Europas wurde an diesem Tag in Madrid sinnfällig demonstriert, zugleich aber die vor uns liegende historische Aufgabe klargemacht [Fischer 1999: 19]. 'Историческая разорванность Европы была в эти

дни в Мадриде очень ясно продемонстрирована, одновременно, однако, она продемонстрировала также и задачи, лежащие перед нами'.

До сих пор в немецких политических речах используются метафора «железный занавес» (нем. „der Eiserner Vorhang“), которая для западногерманских политиков стала наиболее актуальной в августе 1961 г. после строительства Берлинской стены, отделившей восточную часть города – столицу ГДР – от Западного Берлина. Данные действия восточногерманского правительства были восприняты в Западных странах, и, прежде всего – в ФРГ, весьма болезненно, а западногерманские политики заявили, что «железный занавес» «опустился» на границу двух Германий. В 1989 г. Берлинская стена «рухнула», но западные, в том числе и немецкие, политики до сих пор используют в своём риторическом арсенале этот образ, описывая исторические процессы в европейской истории второй половины XX в., а также якобы имевшее место, с точки зрения некоторых немецких политиков, «героическое» сопротивление восточноевропейских народов своим коммунистическим режимам, как, например, антиправительственные выступления рабочих и беспорядки в ПНР в 80-х гг. прошлого века.

Сама по себе лексема «занавес» (нем. „der Vorhang“) связана также и со сферой театрального искусства, поскольку указывает на театральный реквизит, но по своему происхождению театральный занавес является текстильным предметом.

(28) Unser Kontinent war ein halbes Jahrhundert durch den Eisernen Vorhang geteilt. Jetzt wächst er zusammen, und Rumänien nimmt an diesem historischen Prozess teil. Ich habe heute in der Stadt die Kreuze gesehen, die an die erinnern, die in Rumänien ihr Leben für die Freiheit gelassen haben. Sie haben das Tor zur Demokratie aufgestoßen und den Weg zur Rückkehr Rumäniens in die Gemeinschaft der demokratischen Staaten in Europa freigemacht [Rau 2002b: 167]. 'Наш континент полсотни лет был разделён железным занавесом. Сейчас он (континент) срастается, и Румыния (также) принимает участие в этом историческом процессе. Я сегодня в городе видел кресты, которые (нам) напоминают о тех, кто сложил в Румынии свою голову ради свободы. Они открыли дорогу к демократии и освободили дорогу для возвращения Румынии в сообщество демократических стран в Европе'.

В политических текстах метафора «железного занавеса» подчас получает неожиданное усиление за счёт введения новых слов, указывающих на действия, которые совершались по отношению к нему. Так, по мнению немецких политиков, в «железном занавесе» и «вырезались дырки» (нем. „Löcher schneiden“), и его

«отодвигали в сторону» (нем. „beiseite schieben“), например:

(29) Fast vierzig Jahre lang hat die innerdeutsche Grenze die Kernaufgaben des Bundesgrenzschutzes bestimmt. Als dann endlich immer mehr Löcher in den Eisernen Vorhang geschnitten wurden und als er schließlich ganz beiseitegeschoben war, da stellte das den Bundesgrenzschutz vor eine seiner größten Bewährungsproben [Rau 2001b: 117]. 'Почти 40 лет внутригерманская граница определяла главную задачу Федеральной пограничной службы. Когда, затем, наконец, стало вырезаться всё больше дыр в железном занавесе и когда он окончательно был отодвинут в сторону, то тогда всё это поставило Федеральную пограничную службу перед одним из самых больших своих испытаний'.

Конец холодной войны в Европе ознаменовался, по мнению современных немецких политиков, окончательным разрывом «железного занавеса», хотя ради исторической справедливости следует отметить, что на самом деле «железный занавес» никто не «рвал» и не «порвал». На границе Восточной Германии и Западного Берлина его, а точнее – её (Берлинскую стену) – снесли те же, кто в своё время и установил – восточногерманское правительство. Да и само восприятие Берлинской стены как «занавеса» на границе между ГДР и ФРГ в корне неверно, поскольку в Берлине была установлена граница ГДР с Западным Берлином, который во времена существования двух Германий юридически никогда не был частью ФРГ, а имел свой особый статус и вплоть до 1990 г. всё ещё находился под оккупацией трёх держав-победительниц: США, Великобритании и Франции. «Снос» стены в 1989 г. на границе Восточного и Западного Берлина в современной единой Германии и во всём Западном мире воспринимается как открытие границы из ГДР в ФРГ, но это тоже миф, ибо юридически была открыта граница всего лишь в Западный Берлин, который, как уже было сказано выше, юридически никогда не был частью ФРГ и который в 1990 г., также как и ГДР, был присоединен к Западной Германии (ФРГ) в качестве (на тот момент) самостоятельной административно-политической единицы.

Начавшиеся в Польской Народной Республике летом 1980 г. незаконные антиправительственные выступления судостроительных рабочих, недовольных повышением цен и уровнем своего благосостояния в целом, вследствие которых польское правительство было вынуждено передать власть в руки военных во главе с генералом В. Ярузельским и ввести в стране с 13 декабря 1981 г. военное положение, современные немецкие политики выдают за осмысленную и спланированную попытку противостоять коммунистическим властям, причём не ПНР, а СССР, хотя Советский Союз

никакого отношения к данному кризису в Польше не имел и в его разрешении никаким (военным) образом, кроме «братской экономической помощи» и идеологической поддержки польского правительства и Военного совета национального спасения ПНР, не участвовал.

В метафорическом виде немецкие политики представляют беспорядки того времени как попытку «мужественных поляков» «разорвать железный занавес» (нем. „den (am) Eisernen Vorhang reißen“):

(30) Wir alle erinnern uns gut daran: Mutige Polen waren die ersten, die in den 80er Jahren am Eisernen Vorhang rissen [Thierse 2003]. 'Мы все хорошо помним, что мужественные поляки были первыми, кто в 80-е гг. разрывал железный занавес'.

Данные примеры наглядно демонстрируют, что в немецком политическом дискурсе текстильная концептуальная метафора используется для манипуляции массовым сознанием и построения новой модели истории. Под прикрытием ярких, образных и также уже традиционных метафор немецкие политики подтачивают исторические факты и пытаются представить их в выгодном для себя свете, с тем чтобы, во-первых, поощрить своих восточноевропейских партнёров из новых государств-членов ЕС (Польши, Чехии, Румынии и пр.), прозападным политикам которых импонирует риторика лидеров стран бывшего враждебного блока НАТО, согласно которой новые восточноевропейские члены ЕС еще совсем недавно якобы не жили в тени СССР в соцлагере по указке (указаниям) из Москвы, а как будто бы «мужественно» «рвали» железный занавес и боролись против «красных режимов», тем самым приблизив конец как соцлагеря, так и самого СССР и посредством своей этой «героической борьбы» заслужив («выстрадав») членство в Европейском Союзе. При этом подобной аргументацией немецкие политики оправдывают вступление в ЕС бывших стран Варшавского договора и в глазах собственных граждан, которым объясняют, за какие заслуги из их кармана поощряются их восточные соседи (в виде оказания им всевозможной экономической помощи по социальным программам Евросоюза).

Во-вторых, политическая элита современной единой Германии, унаследовавшая политическую культуру Западной Германии (об элементах восточногерманской политической культуры (ГДР, 1949-1990) в современных немецких реалиях не может быть и речи), хочет создать видимость того, что и ФРГ в своё время внесла определённый вклад в победу демократии на просторах социалистического блока и инициировала объединение двух Германий. Однако, и первая, и вторая точки зрения очень далеки от реальности и исторических фактов.

Таким образом, как показывает проведённое исследование, концептуальная метафора отражает не реальное положение вещей в мире, а только «желательное» и «выгодное» немецким политикам [см. также: Керимов 2005г; 2006б и 2006е], которые «одевают» своё видение социальной реальности современной ФРГ и Евросоюза, а также истории Европы в XX в., и, прежде всего – историю противостояния НАТО и Восточного блока, в различные концептуальные метафоры, в том числе и из исходной концептуальной сферы «Одежда».

В таком случае можно говорить о том, что концептуальная метафора не только концептуализирует социальную реальность, но и сама создаёт её в языковой картине мира немецких политиков, которые навязывают её гражданам и электорату своей страны и Европейского Союза. То есть, посредством концептуальных метафор помимо всего прочего немецкие политики манипулируют сознанием тех, чьи интересы они должны представлять (своих избирателей), и навязывают им нужное и «правильное» видение настоящего, прошлого и будущего. В подобной интерпретации концептуальная метафора предстаёт мощным инструментом осуществления идеологической власти.

В заключении следует отметить, что немецкие концептуальные текстильные метафоры, номинируя различные социально-политические действия, явления и процессы, а также способы их осуществления, в общем и целом обладают в современном политическом дискурсе ФРГ сильным образным и смысловым потенциалом. Текстильные метафоры имеют большие возможности для развёртывания яркого метафорического образа и потому занимают в языковом арсенале немецких политиков весомое место.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной семантики // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1997. – Т. 56. – № 1. – С. 11-21.
2. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора: Материалы к словарю. – М.: Институт русского языка АН СССР, 1991. – 193 с.
3. Карасик В.И. Языковой круг: Личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
4. Карасик В.И. Институциональные концепты // Vita in lingua: К юбилею проф. С.Г. Воркачёва: Сборник статей / Отв. ред. В.И. Карасик. – Краснодар: Атриум, 2007. – С. 87-97.
5. Керимов Р.Д. Гастрономическая метафора в сфере немецкой политики // Известия УрГПУ. Лингвистика / Отв. ред. А.П. Чудинов. – Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2005а. – Вып. 15. – С. 71-79.

6. Керимов Р.Д. Немецкая политика в зеркале спортивной метафоры // Известия УрГПУ. Лингвистика / Отв. ред. А.П. Чудинов. – Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2005б. – Вып. 15. – С. 79-85.
7. Керимов Р.Д. Артефактная концептуальная метафора в немецком политическом дискурсе: Дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2005в. – 186 с.
8. Керимов Р.Д. Функции концептуальной метафоры в немецком политическом дискурсе // Грамматика. Семантика. Концептология: Сборник научных трудов / Отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. – Кемерово: Графика, 2005г. – С. 144-151. – (Серия «Филологический сборник»; Вып. 7).
9. Керимов Р.Д. Метафоры объектов коммуникаций в политическом дискурсе ФРГ // Концепт и культура: Материалы II Международной научной конференции (Кемерово, 30-31 марта 2006 г.) / Отв. ред. Г.И. Лушникова, Л.П. Прохорова. – Прокопьевск: Полиграф-Центр, 2006а. – С. 759-772.
10. Керимов Р.Д. Метафора как средство создания образа «врага»/«террориста» в политическом дискурсе // Четвертые Кузбасские философские чтения: Анализ феномена терроризма: Материалы Международной научной конференции (Кемерово, 25-26 мая 2006 г.) / Кемеровский госуниверситет. – Кемерово: Изд-во КРИПО, 2006б. – С. 207-209.
11. Керимов Р.Д. Транспортные метафоры в политическом дискурсе ФРГ // Новое в когнитивной лингвистике: Материалы I Международной научной конференции «Изменяющаяся Россия: Новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (Кемерово, 29-31 августа 2006 г.) / Отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: Кемеровский полиграфический комбинат, 2006в. – С. 200-219. – (Серия «Концептуальные исследования»; Вып. 8).
12. Керимов Р.Д. Механистическая метафора в политдискурсе ФРГ // Человек и язык в поликультурном мире: Доклады и тезисы докладов Международной научной конференции (Владимир, 19-21 октября 2006 г.): В 2 т. – Владимир: Изд-во ВГПУ, 2006г. – Т. 1. – С. 110-116.
13. Керимов Р.Д. Методология когнитивного анализа артефактных метафор в немецком политическом дискурсе // Концептосфера и языковая картина мира / Отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. – Кемерово: Кемеровский полиграфический комбинат, 2006д. – С. 63-91. – (Серия «Филологический сборник»; Вып. 9).
14. Керимов Р.Д. Метафорическое представление общественно-политической реальности в немецком политдискурсе // Наука на рубеже тысячелетий: Science on a boundary of millenia: Материалы III Международной заочной научно-практической конференции (Тамбов, 20-21 октября 2006 г.). – Тамбов: Тамбовполиграфиздат, 2006е. – С. 79-84.
15. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: Уч. пособие. – М.: Флинта; Наука, 2004. – 296 с.
16. Писаренко В.И. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный». – Web document 2002. – URL: http://www.dialog-21.ru/archive_article.asp?param=7366&y=2002&vol=6077
17. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике: Монография. – 3-е изд., стереотип. – Воронеж: Истоки, 2003. – 192 с.
18. Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: История. Персоналии. Идеи. Результаты // Семантика и информатика. – 1998. – Вып. 36. – С. 274-323.
19. Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика. – Воронеж: Изд-во ВГАУ, 2002. – 80 с.
20. Черепанова Е.И. Политическая метафора в современной прессе ФРГ: Дис. ... канд. филол. наук. – Саранск, 1999. – 179 с.
21. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография. – 2-е изд. – Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2003. – 240 с.
22. Шейгал Е.И. Семантика политического дискурса: Монография / РАН, Ин-т языкознания; Волгоградский гос. пед. ун-т. – М., Волгоград: Перемена, 2000. – 368 с.
23. Baldauf Ch. Metapher und Kognition: Grundlagen einer neuen Theorie der Alltagsmetapher. – Frankfurt am Main, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien: Lang, 1997. – 360 S. – (Sprache in der Gesellschaft; Bd. 24).
24. Baranov A.N. Metasprache der Beschreibung von Metaphern im öffentlichen Diskurs // Das Wort: Germanistisches Jahrbuch 2004 / Hrsg. von M. Vollstedt. – Moskau: Deutscher Akademischer Austauschdienst, 2004. – S. 13-44.
25. Baranov A.N., Dobrovolskij D.O. Metaphern im deutschen und russischen öffentlichen Diskurs // Das Wort: Germanistisches Jahrbuch 2003 / Hrsg. von M. Vollstedt. – Moskau: Deutscher Akademischer Austauschdienst, 2003. – S. 11-44.
26. Bergem W. Politische Deutungscode: Zur Konstruktion von Wirklichkeit in politischen Vorstellungen // Metapher und Modell: Ein Wuppertaler Kolloquium zu literarischen und wissenschaftlichen Formen der Wirklichkeitskonstruktion / Hrsg. von W. Bergem, L. Bluhm, F. Marx. – Trier: WVT, 1996. – S. 185-202. – (Schriftenreihe Literaturwissenschaft; Bd. 32).
27. Feng X. Konzeptuelle Metaphern und Textkohärenz. – Tübingen: Narr, 2003. – 301 S.
28. Jäkel O. Metaphern in abstrakten Diskursdomänen: Eine kognitiv-linguistische Untersuchung anhand der Bereiche Geistestätigkeit, Wirtschaft und Wissenschaft. – Frankfurt am Main, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien: Lang, 1997. – 348 S. – (Duisburger Arbeiten zur Sprach- und Kulturwissenschaft; Bd. 30).
29. Kövecses Z. Metaphor: A practical introduction. – New York: Oxford University Press, 2002. – XVI, 285 p.
30. Lakoff G. Cognitive semantics // Meaning and mental representations / Ed. by U. Eco, M. San-

tambrogio, P. Violi. – Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 1988. – Pp. 119-154. – (Advances in semiotics).

31. Lakoff G. Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind. – 4th, paperback ed. – Chicago, London: The University of Chicago Press, 1990. – XVII, 614 p.

32. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. – Chicago, London: The University of Chicago Press, 1980. – XIII, 242 p.

33. Rigotti F. Die Macht und ihre Metaphern: Über die sprachlichen Bilder der Politik. – Frankfurt am Main, New York: Campus Verlag, 1994. – 239 S.

34. Schwarz M. Kognitive Semantiktheorie und neuropsychologische Realität: Repräsentationale und prozedurale Aspekte der semantischen Kompetenz. – Tübingen: Niemeyer, 1992. – VII, 163 S. – (Linguistische Arbeiten; 273).

35. Schwarz M. Kognitive Semantik – State of the Art und Quo vadis? // Kognitive Semantik: Ergebnisse, Probleme, Perspektiven = Cognitive semantics / Hrsg. von M. Schwarz. – Tübingen: Narr, 1994. – S. 9-21. – (Tübinger Beiträge zur Linguistik; Bd. 395).

36. Schwarz M. Einführung in die kognitive Linguistik. – 2., überarb. und aktual. Aufl. – Tübingen, Basel: Francke, 1996. – 238 S. – (UTB für Wissenschaft: Uni-Taschenbücher; 1636).

37. Volmert J. Politikerrede als kommunikatives Handlungsspiel: Ein integriertes Modell zur semantisch-pragmatischen Beschreibung öffentlicher Rede. – München: Fink, 1989. – 332 S.

38. Watts D. Political communication today. – Manchester: Manchester University Press, 1997. – 228 p. – (Politics today).

39. Weinrich H. Sprache in Texten. – 1 Aufl. – Stuttgart: Klett, 1976. – 356 S.

40. Welch S. The concept of political culture. – 2nd ed., reprint. – Chippenham: Antony Rowe Ltd, 1999. – IX, 208 p. – (St. Antony's series).

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ:

1. Blüm N. Solidarität beinhaltet Rechte und Pflichten // Das Parlament. – 1998. – Nr. 31. – 24. Juli. – S. 7.

2. Clement W. Perspektiven für Deutschland: Unsere Strategie für eine Nachhaltige Entwicklung. – Berlin: Impressum, 2002. – 84 S.

3. Eichel H. Rede zum Jahreswirtschaftsbericht 2002 der Bundesregierung (Berlin, den 21. Februar 2002) // Bulletin 1996-2002 / CD-ROM-Version PC/MAC / Hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. – Berlin: Impressum, 2003. – Nr. 2002-11-1.

4. Fischer J. Zentrale Aufgaben des deutschen Ratsvorsitzes in der EU: Rede vor dem Europäischen Parlament (am 12. Januar 1999 in Straßburg) // IN-Press: Sonderthema. – 1999. – ST 18. – S. 10-20.

5. Fischer J. Rede zur Einsetzung des EU-Verfassungskonvents (Berlin, den 22. Februar 2002) // Bulletin 1996-2002 / CD-ROM-Version

PC/MAC / Hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. – Berlin: Impressum, 2003. – Nr. 2002-12-1.

6. Kossendey Th. Parlament kann und darf kein UvD sein // Das Parlament. – 1998. – Nr. 31. – 24. Juli. – S. 11.

7. Rau J. Reden und Interviews. – Berlin: Impressum, 2000. – Bd. 1.1 (23. Mai – 31. Dezember 1999). – 336 S.

8. Rau J. Reden und Interviews. – Berlin: Impressum, 2001a. – Bd. 2.1 (1. Juli – 31. Dezember 2000). – 400 S.

9. Rau J. Reden und Interviews. – Berlin: Impressum, 2001b. – Bd. 2.2 (1. Januar – 30. Juni 2001). – 512 S.

10. Rau J. Reden und Interviews. – Berlin: Impressum, 2002a. – Bd. 3.1 (1. Juli – 31. Dezember 2001). – 480 S.

11. Rau J. Reden und Interviews. – Berlin: Impressum, 2002b. – Bd. 3.2 (1. Januar – 30. Juni 2002). – 672 S.

12. Schreiner O. Es kommt nur noch heiße Luft // Das Parlament. – 1998. – Nr. 31. – 24. Juli. – S. 7-8.

13. Schröder G. Weil wir Deutschlands Kraft vertrauen: Die Regierungserklärung von Bundeskanzler Gerhard Schröder vor dem Deutschen Bundestag (Bonn, den 10. November 1998). – Bonn: Impressum, 1999. – 88 S.

14. Thierse W. Ansprache bei der Gedenkstunde des Deutschen Bundestages am Tage des Gedenkens an die Opfer des Nationalsozialismus (Berlin, den 27. Januar 2002) // Bulletin 1996-2002 / CD-ROM-Version PC/MAC / Hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. – Berlin: Impressum, 2003. – Nr. 2002-04-1.

15. Waigel Th. Deutschland steht mitten im Aufschwung! // Das Parlament. – 1998. – Nr. 38. – 11. September. – S. 3-4.

СЛОВАРИ:

Duden – Deutsches Universalwörterbuch [DUW] / Hrsg. von der Dudenredaktion. – Mannheim: Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus AG, 2001. – CD ROM / PC-Bibliothek Express 2.0 (Die CD-ROM basiert auf der 4., neu bearbeiteten und erweiterten Auflage der Buchausgabe – 2001).

© Керимов Р.Д., 2007

Нахимов Е.А.

Екатеринбург, Россия

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ НАПОЛЕОН В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СМ

Abstract

In Russian political texts, the proper name Napoleon is often used to name talented military leaders or social reformers. In other cases the name Napoleon is used to name military men dreaming of seizing state power.

В толковых словарях русского языка представлены данные о значениях сотен тысяч общепотребительных русских слов, но даже са-